

Александр Пшеничный
Синие цыганские глаза

Рассказы для тех, кто любил и любит

Александр Пшеничный

**Синие цыганские глаза. Рассказы
для тех, кто любил и любит**

«Издательские решения»

Пшеничный А. В.

Синие цыганские глаза. Рассказы для тех, кто любил и любит /
А. В. Пшеничный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837133-2

Миллион советских рублей. Знатный калым назначил отец за красавицу-дочь с редкими для цыган синими глазами. Но в семье жениха таких денег нет. И тогда молодой цыган решается на смертельный шаг... В книге представлены двадцать пять оригинальных рассказов о любви, опубликованных во всероссийской газете «Моя семья» и украинской республиканской журнал-газете «Публика».

ISBN 978-5-44-837133-2

© Пшеничный А. В.
© Издательские решения

Содержание

Иероглифы любви	6
Муж обетованный	10
Принцесса на семечке	14
Фата Доменики	18
Книги мужских судеб	21
И будут два одною плотью	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Синие цыганские глаза
Рассказы для тех, кто любил и любит
Александр Владимирович Пшеничный

© Александр Владимирович Пшеничный, 2017

ISBN 978-5-4483-7133-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иероглифы любви

Прощаясь, хозяйка протянула мне небольшой пакетик.

– Возьмите, пожалуйста, Александр. Помяните моих родителей Веру и Василия. Сегодня два года, как мамы не стало. И спасибо за отремонтированный монитор.

– Непременно, – я положил пакетик в сумку. – Гм, Валентина... Извините за любопытство: у вас на столе фото двух памятников, по-видимому, родителей. А под надписями не то значки, не то иероглифы, похожие на ёлочки. В них есть какой-то смысл?

– Конечно. Это значки, или как вы выразились, иероглифы их любви.

– Иероглифы любви? – насторожился я, чувствуя, как протирает глаза мое писательское любопытство.

– Может помянем родителей сейчас? – неожиданно предложила Валентина. – Есть настоящий армянский коньяк. Заодно расскажу и о тех самых значках, заменявших им почту и телефон.

За столом я и услышал историю любви родителей моей клиентки.

Мама родом из воронежской деревни. Бойкая синеглазая красавица с врожденным чувством шарма. Ее отец, а мой дед, работал районным прокурором, но жил в деревне. В войну пропал без вести. В те времена люди в обносках ходили – одни сапоги на всю семью. А мама даже из старой скатерти могла модную юбку сшить.

Впрочем, на нее что ни надень – все красиво и, как сейчас говорят, сексуально.

Замуж вышла рано и по любви. Гриша – первый парень на селе. Гармонист в те годы – это как сейчас крутой диджей, девок щелчком пальца подзывал!

Когда мужа в армию забрали, по вековым обычаям жена осталась жить в доме свекрови. Попробуй ей в чем-то не угодить! Вся деревня потом тебе в ноги плевать будет. А свекровь лихого племени. Тиран. Одну невестку чуть до могилы не довела.

Но и моя мать тоже не веником в сенцах лежала. Швырнула как-то корыто под ноги свекрухи и заявила: «Ухожу. Гришу без вас дожидаться буду».

И ушла. Совсем из деревни. Села в первый проходящий поезд и вышла из него уже в Харькове.

Здесь и работу нашла на хлебзаводе. Сначала помощницей, а потом и кладовщицей. Так и жила бы Вера на квартире в частном домике вместе с двумя подружками – работницами завода, дожидаясь мужа из армии, если бы судьба не сверкнула перед девушкой погонями совсем другого цвета.

У подружек женихи завелись – солдаты из школы пограничников на другом конце города. Они каждое утро за хлебом для школы приезжали. Все бы хорошо, да увольнительные редко. Не успеешь и нацеловаться вволю, а уже в казарму пора. Вот и приходилось хлопцам по очереди в самоволку бегать. С каждой неделей все чаще и чаще.

Но старшину хоззвода не проведешь. Раз-два он может и закрыть глаза на солдатские вольности. Но не больше, иначе потом эти самые глаза и открывать будет жутко. Прижал он ребят крепко. Только увольнительные и только за хорошую службу.

Но если влюбленные сердца тянутся друг к другу, а их разделяют штакетники времени, расстояний и уставов, то меньшее из них – женское, обязательно отыщет лазейку через любые преграды.

– А что если познакомить вашего старшину с нашей Верой? – однажды предложила солдатская невеста. – Нет такого мужчины, которому бы она не понравилась. Вот ваш командир и побегаёт за нашей подругой. Не до вас ему будет.

Так и сделали. Захватили солдатики с собой старшину на хлебзавод под предлогом сверки накладных.

Таким бойцы командира еще не видели. Вылитый персонаж песни из кинофильма «Дети капитана Гранта». И невеста его в родной алтайской деревне ждала, и городские девчата вокруг бравого сверхсрочника как ласточки вокруг проводов порхали, и вроде из не робкой сотни мужик, но в Веркиной коморке не знал Василий куда притулить свои тяжеленные кулаки, не раз считавшие зубы обидчикам, и как заикнуться перед синеглазой красавицей о билетах на «Тарзана».

Сверка накладных затянулась на три дня, но на четвертый, заикающийся от волнения старшина с билетами в нагрудном кармане, Веру на заводе не обнаружил.

– Она в отгуле, – пояснила поникшему военному подруга. – Могу дать наш адрес.

Хозяйка дома неодобрительно посмотрела на статного военного: «Сейчас позову. Но знайте, Вера замужем. Она не вертихвостка какая-нибудь».

Смотреть «Тарзана» Вера не захотела. Робкому ухажеру удалось лишь уговорить девушку посидеть немного на скамейке под огромной елью в старом заброшенном парке неподалеку.

Под этой елью он получил мягкий отказ на его большие надежды: «Ты симпатичный и интересный мужчина, Вася. Но я замужем и люблю своего мужа. Постарайся больше не приходить сюда. Разногласия по количеству и весу хлеба мы будем решать на заводе...» Пнутая в сердцах прошлогодняя шишка со звоном отскочила от ствола ели и ударила незадачливого жениха по колену.

Прошла неделя. Обычно об отвергнутых ухажорах Вера забывала к утру. Но с каждым днем воспоминания о влюбленном старшине все чаще проникали под броню сердечных доспех. Во снах она убегала от могучей мужской фигуры, но та неизменно находила ее и раскрывала ручищи для объятий. И даже Тарзан однажды с громким воплем схватил заблудившуюся в ельнике беглянку и усадил драгоценную добычу на ту самую злополучную скамейку. Только дитя джунглей почему-то было в армейской фуражке и портупее на голом теле.

В то утро Вера сама не поняла, как под подписью на накладной для школы пограничников карандашом нарисовала маленькую елочку, и рядом цифры: 21—00.

В тот же вечер на той же скамейке холостой старшина срочной службы признался замужней кладовщице в любви. Чужая жена ответила военному страстным поцелуем.

Каждое утро влюбленная кладовщица рисовала на накладных елочки. Одна – жду сегодня, две – завтра.

Незаметно пролетели полгода. У Васи закончился срок контракта. На последнем свидании он предложил Вере руку и сердце.

Но получил отказ. Срывающимся голосом Вера объяснила, что по-прежнему любит мужа и просит Васю забыть их встречи – это всего лишь страсть. На прощание она поцеловала старшину и закрыла калитку.

В поезде Вася напился с такими же демобилизованными ребятами, как и он, и написал Вере письмо из одного предложения «Люблю и буду любить всегда», окруженного десятками елочек.

Семь дней проплакала Вера над письмом, а на восьмой собрала вещи в чемоданчик, купила билет до Барнаула и отбила старшине запаса телеграмму: «Выезжаю 25 октября. Целую каждую твою елочку».

Работница почты недоуменно захлопала глазами: «Вы ничего не перепутали? Рекомендую подписать телеграмму. Вас могут не понять».

– Отправляйте. Он все поймет, – Вера сильнее сжала ручку чемодана.

С каждым днем пути багрянец теплой украинской осени быстро менял цвет сначала на черноту, а затем и на холодную белизну восточных российских просторов.

За Уралом стекла вагонов покрылись зимним ажуром, словно ночью окна поезда зацепили заснеженную бороду хозяина древних гор.

Проводница, услышав историю легко одетой пассажирки, попросила машиниста увеличить стоянку на Вериной станции вдвое. А вдруг жениха не окажется? Может телеграмму не получил, может новая невеста ее порвала, а может парень уже и забыл об армейской подружке? Что тогда делать? На перроне от холода погибать в двадцатипятиградусный мороз? Пусть подождет десять минут, а потом опять в поезд сядет. В Барнауле хоть вокзал теплый. Там и билет домой купит.

На заветную станцию состав прибыл ночью.

На подножке вагона Вера в демисезонном пальтишке, ботиках на каблучках и модной шляпке, придерживаемой сзади проводницей от порывов ветра, всматривалась в полумрак платформы.

В тусклом свете фонаря сквозь клубы отработанного пара чернели контуры лошади, запряженной в сани, и высокая фигура человека, державшего в руках что-то огромное и бесформенное.

Фигура бежала вдоль поезда, рассматривая у каждого вагона выходящих пассажиров.

Наконец, она приблизилась к заветной подножке и одним прыжком оказалась в тамбуре рядом с Верой. Это был Вася. Он вложил в руки проводницы тулуп и меховую шапку, поцеловал невесту в губы, присел, снял по очереди ботинки с милых ножек и облачил их в громадные унты. Овечий кожух жених одел поверх пальто. Поблагодарив проводницу, Вася, похожий на таежного медведя, поднял бесценную добычу и понес ее к саням. Ошеломленная, но счастливая Вера, махала ладошкой пассажирам, прильнувшим к окнам купе. Выскочившая из вагона проводница догнала алтайского медведя и вложила в руки девушки забытую второпях шляпку. Уже в санях Вера взглянула на уходящий поезд и увидела кулачок проводницы с поднятым вверх пальцем.

Ожидая невесту, Вася неделю расчищал колхозным трактором заметенную снегом дорогу к станции, отгреб лопатой весь снег во дворе. Неудобств в его доме любимая испытывать не должна.

Будущая свекровь долго косо рассматривала невесту сына в нарядном ситцевом платье. Наконец, вымолвила сквозь сжатые губы: «Тот же назём, только издалека везён». Родной для матери мужа Вера так и не стала.

Не о такой невестке мечтала мать. Здепняя невеста сына – учительница из соседнего села – два года ожидала жениха из армии. С тех пор, как Вася на побывку приехал. Вот какая жена ему нужна, а не напудренная городская фифа.

Свадьба по алтайским обычаям растянулась на неделю. Каждый день по очереди в домах родственников жениха рекой лился самогон и звучало бесконечное «Горько!» Невеста покорила деревню красотой и нарядами. А наспех сшитую фату из обрезка гардины внимательно рассматривали и ощупывали местные портнихи.

На третьем месяце беременности свекровь недоуменно спросила: «А почему вы в сельсовет заявление не подаете? Пора уже». О том, что невестка давно замужем, она узнала только через год от первой невесты сына.

Учительница выяснила, что молодые уже подавали заявление, но зарегистрировать новый брак с замужней женщиной сельсовет не мог. А законный муж на предложения о разводе отвечал отказом.

По совету председателя, Васиного крестного, Вера «потеряла» паспорт. В новом документе штампа о замужестве уже не было. Ответ из Воронежа о семейном положении Веры крестный сжег.

Даже рождение внучки не растопило сердце свекрови. Она упорно дробила камень любви сына, поливая его кислотой бесконечных укоров, намеков и усмешек.

Давно известно, что при желании свекровь легко может разрушить семью сына, особенно проживая рядом. Знала это и Вера.

Через два года словесных истязаний и недовольств она предложила мужу: «Давай уедем. Все равно куда, здесь наша семья зачахнет». Вася молча обхватил руку любимой: «Давай. Другого выхода у нас нет».

Но и родная воронежская деревня не принесла покоя. Два льва на одной шкуре лежать не могут. Через месяц Васю отвезли в район на операцию. Грища, первый муж жены устроил драку, Вася свернул ему скулу, но пропустил удар ножом в селезенку.

Хирург угрюмо развел руки: «Я сделал все, что мог. А дальше... дальше все зависит от него. И от вас, конечно».

Неделю Вера жила в палате. А когда любимый шатаясь встал на ноги и обнял исхудавшую жену, Вера шепнула ему на ушко: «Поправляйся скорее. Без тебя жить невозможно. Мы едем в Харьков».

Подруга в ответ на Верину просьбу сообщила, что харьковская мебельная фабрика обещает семейным отдельные комнаты в общежитии.

С тех пор Харьков стал для них родным. Здесь и корни пустили.

Ни разу мама не пожалела о поездке в Алтай и считала ее авансом судьбы.

Об одном жалела. Папа слишком рано ушел. В пятьдесят шесть. Четверть века она жила без него. Каждое утро подходила к фотографии на комод и здоровалась с любимым Васечкой.

После смерти отца маму окружили женихи. Рвали на части. Недаром ее Красивой люди между собой называли.

Вечером за ужином мама часто подтрунивала над женихами: тот жадный, тот плюгавый, тот, бывший гинеколог, хвастался, что от его денег еще ни одна не отказалась – не откажется и Вера. Но мать как-то хлопнула ладонью по столу и заявила: «Все они и Васиного плевать не стоят. Их матни не стирала и стирать не собираюсь».

Я часто вспоминаю вечер из моего детства. Родители любили работать, любили и веселиться. Часто принимали гостей.

Как-то после ухода новогодней компании я вошла в комнату родителей. Из динамиков радиолы лился голос Софии Ротару. Она пела об убитой лебедице и лебедь, не представляющим жизни без любимой.

Слегка хмельная мама сидела на коленях отца. Она спросила сквозь слезы: «Вася! Ты меня любишь? Мог из-за меня поступить, как эта птица?»

– Только так и поступил бы, – буркнул довольный отец. – С первого взгляда тебя полюбил и сейчас люблю, моя Елочка».

Мать обвила шею отца руками и зарыдала от счастья: «И я тебя люблю, мой Медведь».

Что я вам скажу, Александр. Для познавших любовь, деньги гинеколога всего лишь фантики.

Муж обетованный

В мире мужчин браки с женщинами намного старше вызывают недоумение и затаенное пренебрежение. Таких мужей считают неудачниками, явными или скрытыми альфонсами. Так считал и я, пока однажды не услышал рассказ матери о нашем дальнем родственнике. В тот же вечер я прочитал библейскую истину о том, что Господь назначает мужчине жену за сорок дней до его рождения. Судя по всему, с родственником все так и произошло...

– Проходи, сынок, – мама шагнула в сторону и аккуратно положила небольшую стопку фотографий на стол рядом с открытым конвертом. – Надолго приехал?

– На выходные, – я обнял мать, зацепив конверт рукой. – Чьи это фотографии, мам?

– Двоюродная сестра Вера из Москвы прислала. Похвасталась сыном. Пишет, что в посольстве работает. На каких-то зарубежных островах с семьей отдыхал. Хороший у Веры сын, серьезный. Матеев корень. Думал ли дядя Матвей, что его родня по границам разбегать будет!?

– Дядя Матвей? О нем я ничего не слышал... кто он? расскажи...

– Хорошо! Присаживайся, но история длинная.

Деревня наша большая – до самого леса тянулась. И даже в лесу небольшой хуторок прибудился. В нем до войны жила семья. Зажиточная по тем временам: хозяин, хозяйка и двое мальчишек. Старший Иван и младший Матвей, или Матей, как его деревенские называли.

Но однажды беда об их гвоздь юбку порвала. Хозяин упал с лошади и вскоре умер. Жена долго не горевала и завела любовника из городских. Через месяц возлюбленный поставил условия: «Копаться в земле я не буду. И твоя ребятня мне не нужна. Поедешь со мной в город одна, там и заживем красиво. А дети не пропадут – у тебя сколько родственников!»

Бросила хозяйка сыновей и укатила с любовником. До сего дня о ней ничего не слышно. Старшему к тому времени лет шестнадцать исполнилось, а Матею тринадцать.

Иван пожил с братом полгода и уехал куда-то на заработки. Как в воду канул.

А Матей за хозяина остался. С ног мальчишка валился. Шутка ли: в тринадцать лет управляться с тремя коровами, свиньями, гусями, курами и земелькой возле леса. Родственники из деревни, конечно, помогали. Но много ли поможешь за две версты, когда коровы недонные мычат и своих сопливых с десятков у каждого?

Собралась родня перед Покровом на совет. Долго решали, чем помочь Матвейке, как жизнь его устроить. Не одну четверть самогона выпили, но путного в головы ничего не приходило.

– Может женить Матея? – спяну буркнул дед Пахом. – У соседа Лукахи дочь Машка засиделась. Двадцать четыре скоро. Еще год-два – и вековуха. Приданого хоть и нет, но девка-то красивая. Коса в мою руку толщиной. Пошли к Луке, даст Бог – ударим по рукам, и после Покрова Машка перед Матвейкой косу и расплетет. У парня то сиськи уже цвести (набухать) начинают. С энтим делом справится.

Хорошая свадьба получилась. Богатая. Подводы со всех окрестных деревень хуторок окружили. Бабы неделю свеклу на самогон натирали. Много крови из оцарапанных пальцев в брашку утекло. А когда мужики за дом поплелись, чтобы отрыгнуть перепитое и перееденное, женщины облегченно вздохнули – ни один злой язык не твякнет, что на свадьбе нечего есть и пить.

– Мам, а Мария – она кто нам?

– Моя тетка. Хорошо ее помню. Русоволосая, красивая, статная. Мы небогато жили, а в бедные двory сваты заходили редко.

Тетка рассказывала, что в год замужества загадала сон на Рождество. Конечно, на суженого, на кого еще. Но ночью никто не приснился. Дети только в лесу игрались. Один мальчишка худой и высокий подошел к ней и взял за руку. Спросил что-то, но что – не помнила. Околесица, а не сон.

Когда пьяные сваты привели жениха, Маша охнула. Где-то она этого мальчишку видела. Худющий, высокий, но с недетскими глазами. И взгляд: спокойный, твердый. Как у мужика. Тут она и припомнила рождественский сон.

А Матей потом признался, что захотел ее, как женщину. Впервые в своей жизни.

Посмотрели они друг на друга и протянули руки навстречу.

Стали молодые на хуторе жить. Понемногу Матей мужал. Через год у них ребеночек появился – моя двоюродная сестра Вера. Хозяйствовал Матей справно, хотя по годам совсем еще ребенок.

Бывало, заиграется с соседскими ребятами: бегают, прыгает, кричит. А Маша посмотрит из оконца на наливающийся мужской силой торс, на барашки смоляного чуба и незаметно от детворы поманит Матея рукой. Тот прибежит, запрыгнет на печь, поворкует с женой по-мужски и опять к ребятам.

Потихоньку Матей вырос. Щуплый паренек обратился в красавца мужчину. Девки и бабы все чаще его долгими взглядами провожали. Повезло Машке. Вот тебе и бесприданница! Но Матей только жену любил. Может мать она ему чем-то заменяла. Кто знает. А уж Маша его как любила! Кость в нем была. Крепкая. Мужская.

Однажды ночью к ним воры прокрались. Один в сенцах споткнулся, ударился о корыто, а второй по крыше в это время лез. Мария услышала шум и мужа разбудила. Вышел хозяин в сенцы в исподнем. Вор его увидел и быстро во двор юркнул. Тут Матей и услышал, как кто-то по крыше крадется. Влез на чердак и кулаком по крову снизу ударил. Нога злодея через солому и провалилась. Обхватил Матей добычу руками, к себе потянул и кричит жене: «Маня! Скорее неси топор! Рубить буду!»

Завопил грабитель. Вцепился руками в солому, но вырваться не может. А Маша сначала онемела от страха, а потом обхватила ноги Матея и тоже орет что есть мочи: «Оставь его! Не бери кровь на душу».

Долго они так кричали, пока вору все же удалось вынуть ногу из сапога, скатиться по крыше и убежать в лес.

Три месяца потом Мария не разговаривала. Голос пропал.

Никогда и ни в чем Маша не перечила мужу. Но после такого случая в лесу она жить не захотела. Тряслась от страха по ночам, почти не спала. Вздохнул Матей: лес ему как дом родной, но жена роднее. Купили они дом посреди деревни и переехали с детьми и хозяйством ближе к родственникам. Наши дворы оказались рядом.

А потом война началась. Матея поваром на фронте определили.

Когда дядька из дома ушел, Маша его вещи не стирала. Вынет из сундука рубаху – и долго нюхает мужний пот, а потом прикладывает сорочку к груди, рукава на плечи разложит и что-то шепчет перед иконой Всецарицы.

Женщины отворачиваются, а мы, дети, бегаем вокруг и смеемся, рожи корчим: «Придет, вернется к тебе дядя Матей». Долго потом бабий плач по дому аукался, стоит только одной начать...

Тяжело и голодно в войну. Разлилось горюшко по дворам. Деревня хоть воронежская, но немцев у нас не было. Зато дезертир был. Федя Коршак. Власть он с председателем колхоза поровну делил: днем советская, а ночью Федькина. Милиция далеко, а Коршак рядом.

У жены и родителей Федька не жил. Ночевал каждый день на новом месте. Бывало, хозяйка и не знала, что Коршак у них на чердаке спит – двери то у всех открыты.

Но чаще Федька с двумя любовницами к хозяевам приходил. Просил угостить их компанию. И угощали – попробуй откажи, когда приклад обреза из-под тулупа торчит. К вдовицам и молодухам, у которых мужья на фронте, Федька частенько и сам заглядывал.

Пришел он и к Марии. Завернула ему тетка последнюю буханку и немного сала, рядом четверть поставила. А Коршак не уходит. Развернул тряпицу, нарезал хлеб и разлил самогон по стаканам: «Давай выпьем, Маша». Выпили.

Когда Федька к печи Марию за рукав потянул, тетка повернулась и сказала: «Ничего у тебя не выйдет, Федя. По своей воле я наверх не полезу. Это Матеево место. Других там не будет. Лучше убей сразу».

Размахнулся Коршак и ударил Машу в грудь. Возле печи она так и осела. Но тут Катька, Федькина любовница, в дом влетела. Кто-то ей шепнул, к кому Федька в этот раз зашел. А баба она огонь! Схватила любовника за рукав и оттащила от Марии. А потом и увела его совсем.

С тех пор Коршак к тетке не заходил. Но она после этого вечера перебралась с детьми к нам.

В сорок четвертом милиция из района окружила дом Федькиной любовницы и после долгой перестрелки Коршака убили. Жена и родители отказались его хоронить. Милиционеры закопали труп за двором. Долго еще селяне это место обходили стороной.

Дядя Матвей вернулся с войны раненым и контуженным, но живым. Полевые кухни немцы часто обстреливали. Ведь солдат возле них всегда хватает. Когда вошел в дом – тетку повело, прямо на руки мужа упала.

В колхозе после войны мужиков на пятерне сосчитать можно. Однажды к дядьке подошел председатель: «Хочу доверить тебе водяную мельницу, Матвей».

Удивился дядька: «Мельник должен уметь писать и читать. А я неграмотен. Не осилю я такую работу».

– Осилишь, Матвей, – председатель ловко скрутил самокрутку единственной рукой. – Смысленный ты мужик и хозяйственный. Лучше тебя с мельницей никто не управится. А ей ремонт нужен. Больше стоит, чем работает. А насчет грамоты – не твоя забота. Мы к тебе учетчицу пристроим. Из наших комсомолок.

Сросся с мельницей Матей. Второй женой она ему стала. Часто и ночевал на мешках с зерном. И мельница его любила. Хоть и контужен был мельник, но каждый мешок муки и зерна в его голове на учете были.

Но не одна мельница хозяина любила. Припал Матвей к сердцу учетчицы, совсем еще девчонки. Под скрип жерновов и журчание воды она призналась в любви. Вздыхнул Матвей: «Ты, Таня, ко мне не прилепляйся. Нехорошо это. У меня дочери твоего возраста. Дурь твоя все равно пройдет. По себе мужика ищи».

Через год Матей научился читать, а вскоре и нацарапал между газетных строк первую в жизни букву. В школу он по вечерам ходил на курсы ликбеза.

Таню в сельсовет перевели, а Матей один остался.

Как мельница загорелась – милиция так и не установила. Поговаривали, что от брошенного кем-то в муку окурка. Таня первая к мельнице прибежала и перетасила угоревшего от дыма Матвея к заводу. «Для тебя его спасла» – прошептала обнявшей Матвея жене. Через неделю Таня уехала в Воронеж. Выучилась, замуж вышла, по слухам большой начальницей стала.

Хорошо дядька с женой жил. Берег ее и любил. Может поэтому она и выглядела моложе супруга.

Всю жизнь дядя Матей о родном брате Иване вспоминал. Который с хутора на заработки уехал. Хотел с ним увидеться. Зато мать называл предательницей. Однажды сказал жене: «Если она приедет – и на порог не пушу. Нет у меня матери».

В начале пятидесятых я с моей мамой и Верой – дочерью дяди Матвея – в Ленинград на торфяники завербовались. От сталинских сельхоздолгов бежали.

Когда окончился срок договора, решили мы в Свердловск на металлургический завод податься. Туда нас новые вербовщики приглашали.

Купили билеты и сидим в ожидании поезда на ленинградском вокзале. Рядом на чемодан присел мужчина.

– Куда едем, девчата, – поинтересовался сосед. – В Свердловск? Не советую. Там холодно и голодно. Я только что из Харькова. Езжайте на Украину. Еще не раз меня вспомните. Или в Москву. Вы откуда будете?

Когда он услышал о нашей деревне, то побледнел, словно мелом его лицо присыпали. Иваном он, Матвеевым братом, оказался. Весь Союз объездил. Воевал с Матвеем на одном фронте, но на войне так и не встретились. Тяжело ранен. Семью в войну потерял.

Мы рассказали, как хочет видеть его брат. Через полгода Иван приехал к Матвею. Ему там и женщину сосватали. Так в деревне и остался.

А мы сдали билеты и разъехались кто куда. Я с мамой в Харьков. А Вера в Москву. В поезде пассажиры качали головами: «Трудно будет в Харькове. Кровь придется сдавать, иначе не выжить». Мама уже хотела назад возвращаться, но я ее не поддержала. Тянула меня какая-то сила в Харьков. Прямо на перроне нам предложили работу – здание нового вокзала строить. Здесь я твоего папку и встретила – первого хулигана на стройке. Ох, и любовь же у нас была!

Дядя Матвей умер первым. Старая рана открылась. На похороны Татьяна с сыном, тоже Матвеем, на служебной машине приехала. Плакала навзрыд. Тетка еще десять лет прожила. И десять лет хотела скорее увидиться Там с ненаглядным мужем.

Принцесса на семечке

Вокзал шумел, окуривая снующую толпу запахом расстояний.

В гроыхании дорожных сумок на колесиках и суетливом ожидании поездов лишь одна фигура сидела неподвижно на скамейке платформы. Из-под сморщенных век в кафельное горло подземного перехода всматривались молящие глаза. Небольшой белый пудель в нелепом наморднике, ошеломленный мельканием тысяч ног, боязливо прижимался к коленям хозяйки.

– Можно присесть? – я нащупал глазами небольшое место на скамейке возле пожилой женщины с собачкой.

– Да, конечно! – живо откликнулась старуха, с интересом оглядывая мое лицо. – Вы меня помните? У нашего магазина вы часто семечки покупали.

– Гм... – память лихорадочно зашуршала пожелтевшими карточками полустертых лиц. – Пойдите, вы, кажется, Раиса, Раиса...

– Онаньевна, – радостно улыбнулась пожилая дама. – Вы последний знакомый, которого я вижу в нашем городе. Пасынка вот ожидаю. Умирать к нему в Россию еду... Вы торопитесь?

Я не торопился. Поезд с дочерью из Волгограда опаздывал на час, времени было достаточно, чтобы выслушать человека, уезжающего умирать в чужие палестины.

До пенсии Раиса жила в деревне с мужем, доила колхозных коров. Дочь уехала в город учиться, там и замуж вышла. Но семья не сложилась. При разделе ей с двумя детьми досталась двухкомнатная малогабаритка. Вскоре у Раисы Онаньевны умер муж – колхозный тракторист. На работе он пил в меру, зато дома любил с горилкой побалакать, а там и жену уму-разуму поучить – с кулаками для лучшего запоминания.

Дочь предложила продать дом и переехать в город. За детьми присмотр нужен, а мать весь день на работе. Да и с деньгами туго. Попробуй обувь, одеть двоих, да еще оплатить садик и школьные поборы. Знала Раиса, что тяжело придется, но куда деваться? Хату удачно продала и к дочери в комнату поселилась.

Восемь лет как год пролетели. Утром и днем за детьми присматривала, нянчила, кормила, а вечером на кухне жарила семечки и продавала у магазина. Деньги-то за дом давно кончились.

Внуки выросли. Когда пришло время разместить их в разные комнаты бабка, как водится, стала мешать. Особенно, когда семья к вечеру собиралась. Все чаще ворчала недовольная дочь: и денег за дом выручила мало, и закоптила кухню семечками, а толку от них – с гулькин нос. Только перед людьми нас позоришь.

Но от семечных денег ни разу не отказалась.

Время от времени, когда у внука допоздна засиживались друзья, Онаньевна до ночи торговала у магазина, а потом стелила постель на кухне. Вставала рано, чтобы никому не мешать и успеть приготовить завтрак молодежи. Хуже, когда к дочери приходили мужчины. Тогда доводилось спать в ванной.

Казалось, что судьба Онаньевны давно решена и ее удел – скорее уйти и не быть обузой родне. Но козырь из рукава судьбы всегда выпадает неожиданно.

В тот вечер Раиса как обычно торговала семечками. Рядом новая товарка слушала ее невеселый рассказ.

– Вы можете изменить свою жизнь, – внезапно включилась в разговор знакомая покупательница. – Люблю ваши семечки. За день на работе так накрутишься, столько нервов загубишь, что дома минут пятнадцать в себя прихожу: семечки щелкаю – и только потом окунаюсь в домашние дела.

Впрочем, это не важно. Хотите, познакомлю с дедушкой, моим соседом? Живет один в двухкомнатной квартире. Замечательный человек. Но плохо ходит. Как у нас говорят, на ноги упал. Уход за ним нужен.

Онаньевна пожалала плечами: «В мои годы только деда не хватало. Спасибо, я, пожалуй, откажусь».

Но товарка, сидевшая рядом, неожиданно поддержала покупательницу: «А что тебе терять, Рая? Попробуй. Не понравится – уйдешь. Может у этого мужчины за спиной твое счастье ховается. Оно частенько с нужды начинается.

– Давайте поступим так, – предложила женщина, расплачиваясь за стаканчик семечек, – сегодня я поговорю с Петром Алексеевичем. Если он согласится, то завтра в такое же время мы пойдем к нему вместе.

Дома дочь радостно взмахнула руками: «Мама! Какой шанс! Что тут думать! Постарайся понравиться деду и живи на здоровье. Нам всем будет лучше».

Вечером следующего дня покупательница позвонила в дверь соседа. За ее спиной с сумкой семечек и кухонным табуретом переминалась Онаньевна.

Высокий седовласый мужчина вежливо предложил женщинам пройти в квартиру.

Соседка удалилась, оставив стариков наедине. Интеллигентная мягкость Петра Алексеевича быстро растопила сомнения Онаньевны и за чашкой чая они уже обсуждали детали совместного проживания.

Сумку и табурет Раиса оставила у жениха: завтра она принесет свои вещи и семечки.

Ночь в чужом доме показалась Раисе бесконечной. От избытка впечатлений она долго не могла уснуть. Утром с двумя палочками в спальню вошел Петр Алексеевич: «Как спалось, Рая? Может заменить подушку более высокой?»

– Спасибо. Все хорошо, но почему-то долго не могла заснуть на новом месте, – смущенная женщина накинула халат на ночную сорочку.

На простыне вороньим глазом чернело крупное семя подсолнечника, неизвестно как оказавшееся в постели.

– Вот и причина плохого сна, – пошутил Петр Алексеевич. С того утра он называл Раису Принцессой на семечке. Но торговать у магазина запретил.

Раиса с головой окунулась в новую жизнь. Хозяин квартиры оказался умным, тактичным и проницательным человеком. Оба ни минуты не пожалели о непростом решении.

Вскоре к Петру Алексеевичу приехал с Севера сын – полковник российской армии. Мужчины о чем-то долго переговаривались на кухне, а утром Петр Алексеевич сделал Раисе предложение. Сын стоял рядом и одобрительно улыбался.

Вскоре молодых расписали на дому. Были и работник ЗАГСа с лентой, и марш Мендельсона под магнитофон, и рушник под ногами, и свидетели – Сергей, сын жениха, и бывшая товарка невесты. Семьдесят и шестьдесят пять – отметили в документах возраст новобрачных. После вечеринки Сергей накинул на плечи жене отца подарок – новую лисью шубу.

Петр Алексеевич давно не выходил из дома. С трудом Раисе удалось уговорить мужа выйти на прогулку. В одной руке он держал локоть жены, а во второй – палочку. Пятнадцать метров до скамейки оказались для старика личным рекордом. С каждой прогулкой ему становилось лучше. К концу лета с одной палочкой Петр Алексеевич обошел вокруг дома. В тот вечер Раиса с восхищением смазывала зеленкой искусанные губы супруга.

Чтобы закрепить успехи, Онаньевна купила у соседей щенка пуделя. Петр Алексеевич привязался к собачке и два раза в день выводил Артемона на прогулку.

Чувства семейной пары крепили. Однажды на день рождения жены Петр пригласил Раису в ресторан. До этого она ни разу там не была, даже в кафе.

Перед сном коробочку с бриллиантовым колечком, Петин подарок, Принцесса аккуратно положила на халат – еще один подарок от внучки Иры. Она единственная поздравила бабушку с днем рождения.

Модная и добротная одежда Раисы удивляла торговков и продавщиц в магазине. Они считали, что бывшая товарка донанивает вещи первой жены. Но деньги на одежду вместе с ежечасной помощью присылал сын Петра Алексеевича. Жена его отца должна выглядеть достойно.

Время от времени на прогулке с Артемоном с Петром Алексеевичем кокетничали дамы забальзаковского возраста. Они намекали мужчине, что он заслуживает лучшего ухода, да и бывшая доярка интеллигенту не пара. Вечером за ужином Петр Алексеевич со смехом рассказывал своей Принцессе о происках навязчивых ухажеров.

С некоторых пор в дом Петра Алексеевича переехала на новое место проживания его однокурсница. Когда-то с Петей у нее был роман. Дама мгновенно невзлюбила новую жену бывшего возлюбленного: Петр может быть счастлив только с ней.

Появились анонимные звонки, завелись козни, расплозились сплетни и слухи. Рая, мол, нечиста на руку: крадет продукты и кормит ими внуков, супруга голодом морит, ждет не дождется его смерти.

Один такой звонок вынудил Сергея немедленно приехать к отцу. Все оказалось наоборот. Доктор рекомендовал Петру Алексеевичу строгую диету: наметившаяся тучность осложняла движения. Знакомая Онаньевна из ее деревни регулярно привозила свежие продукты. Из всей родни только внучка Ирина частенько навещала бабушку.

Сергей строго поговорил со сплетницей, слухи улеглись, доверие к мачехе укрепилось.

В правде и согласии супруги прожили пятнадцать лет. Но пришел день, когда Раиса снова овдовела. Год она выхаживала мужа после инсульта. Но часто бывает так, что точку в конце книги жизни даже самый близкий человек и на букву не в силах отодвинуть.

После похорон Сергей обнял мачеху и сказал: «Вы были хорошей женой моему отцу. Все, чему мне удалось достичь в жизни, я обязан ему. Денежную помощь для папы теперь будете получать вы. На вашу пенсию жить невозможно. Квартира полностью ваша. Спасибо за все, что вы сделали для папы и меня».

Дочь пришла к матери через неделю: «Твой внук Виталик с женой и с двумя детьми ютится с нами, а ты одна в двухкомнатной квартире. За тобой нужен уход. Переходи жить к нам, а квартиру оставь Виталику. Или пусти молодых к себе. Они за тобой присмотрят. И еще: займи немного денег Ирине на учебу».

Призадумалась Онаньевна. С деньгами-то все просто. Не нами подмечено – дети долги не возвращают. Но внучку учить нужно. Помогу, конечно.

А вот с квартирой сложнее. Петр Алексеевич давно предвидел такой разговор: «Не попадись на старый крючок, Рая. К себе никого не пускай. Такого, как я, ты больше не встретишь. Умирать нужно в своей квартире».

Петя, конечно, прав. Многому меня научил. Но детям-то всегда веришь. Их обманы воспринимаешь как детские шалости. Тесно им, отсюда и ссоры. А у меня хоть гопака выплясывай. Да и так хочется, чтобы глаза насовсем закрыла родная рука.

Прописала Онаньевна семью внука. Знала, что несладко придется, но не думала, что настолько. Поначалу все хорошо складывалось: и правнука только одного в ее комнату подселили, и жена внука тарелку супа всегда для нее находила. Но с каждым днем становилось хуже. Снова бабка стала всем мешать. Все чаще вместо «Доброе утро» слышалось привычное «Когда ты сдохнешь?» Холодильник на замке. Питайся как и чем знаешь. В минуты пьяной ярости внука, Онаньевна уходила к соседке, которая ее с Петей познакомила. Бывало, что и ночевала

у нее. Жить к дочери идти боялась. Потом в родную квартиру без милиции не вернешься. Да и позор-то какой!

Пасынок Сергей приехал неожиданно. Специально не предупредил, чтобы меньше беспокоилась. В отпуске на море всей семьей ехали и решили пожить денек-другой у матери.

Дверь никто не открыл. Не отвечал и городской телефон. Сергей заглянул к соседке-свахе. За ее спиной стояла мачеха с синяком на руке, постаревший Артемон радостно вилял хвостом. Она ведь пасынку ничего не говорила. Зачем расстраивать занятого человека по пустякам.

Скандалить с Виталием Сергей не стал. Испуганный внук просто не открыл дверь.

Вечером в квартире свахи Сергей объявил решение. Вдова моего отца в такой обстановке жить не может. Он предложил мачехе поселиться у него в России. Вы будете жить в отдельной комнате в тепле и сытости.

Сквозь слезы Онаньевна нерешительно кивнула.

Пудель рванулся вперед, натянутый поводок приподнял руку хозяйки. Глаза старухи ожились, спина распрямилась.

– Сережа с Ирой идут! Видно на вокзале встретились. Внучка до сих пор не знает, что свою часть квартиры я ей завещала.

Из пролета платформы показался импозантный мужчина средних лет в штатском и мило-видная девушка.

– Бабушка! Как хорошо, что я успела. Пришлось с последней пары сбежать, – девушка обняла старушечьи плечи. – Обязательно к тебе приеду. С дядей Сережей я уже договорилась.

Онаньевна заплакала, вытирая глаза краем платка.

Гусеница фирменного поезда мерно приблизилась к платформе. Через время в окне купе показался силуэт Онаньевны со старомодной сумкой в руках. В ней она когда-то носила семечки к магазину, а сейчас это ее талисман, память о счастливых годах, прожитых с Петей.

Фата Доменики

Этот рассказ посвящен тем, кто вопреки времени и обстоятельствам не разуверился в любви, и однажды поцеловав подол ее царственной одежды, пронес заветную чашу через жизнь, не расплескав и капли волшебного напитка. В моей истории таких людей двое – Роман и Доменика. Даже всемогущая судьба, переломив их сплетенные руки, беспомощно отступила перед силой взаимного чувства.

Тамада звонко постучал ножом о край хрустальной конфетницы.
– Прошу внимания! Слово матери жениха.

Взволнованная женщина закончила тост необычным пожеланием: «Дети мои! Живите в счастье и любви, такой, какой была у тети Домны и дяди Романа. Горько!»

Десятки рук дружно захлопали в ладоши, какая-то женщина одобрительно улыбнулась, выкрикнув невесте: «Катя, признайся, ты на Домнину фату желание загадывала? Вон как влюблено Андрей на тебя смотрит! Горько! Горько!»

Любуясь красотой невесты, я вспомнил, как двадцать лет назад принимал кричащий комочек из рук батюшки после купания в крещенской купели. Катя моя крестная дочь.

Утром следующего дня после похмельной стопки я спросил у матери невесты, моей кумы и давнишней подруги семьи: «Домна и Роман – кто они? И что за фата, на которую загадывают желание невесты?»

Кума усмехнулась и не спеша начала свой рассказ:

Они наши местные Ромео и Джульетта. Дядя Роман мой дальний родственник.

Еще до войны в него влюбились две красавицы-одноклассницы Доменика и Татьяна. Дед Доменики был словаком, в первую мировую в русский плен попал, да так и остался в России. В поселке его внучку Домной называли. Любовь Доменики разбудила у парня ответное чувство. А Таня продолжала любить Романа. Всю жизнь она боролась за любовь, и однажды заняла место соперницы.

Многие парни Домны добивались. С некоторыми зарвавшимися женихами Роман по-мужски разговаривал. Настоящий мужской поступок – это прививка женской любви на всю жизнь.

А дальше, как в киноромане. Весной сорок первого влюбленные решили пожениться. Свадьбу назначили на конец июня. Не было в поселке более счастливой пары. Мои родители говорили, что они часами смотрели друг на друга, забыв об остальном мире. Доменика сшила свадебное платье и перед зеркалом бесконечно примеряла фату. Как и любой невесте, в свой главный день ей хотелось быть самой красивой из женщин.

Но не довелось молодым ступить на свадебный рушник. Война на него стала пыльным сапогом. На проводах завывла Домна страшным голосом. Бабы силой оторвали ее от любимого. Сняла Доменика с груди медальон и повесила на шею Романа: «Не снимай его. Он заговоренный на жизнь. Ничего с тобой не случится. Меня не забывай, обязательно разыщи после войны. Придет время и ты еще увидишь меня в фате».

Через месяц Домну вместе с другими женщинами поселка направили под Харьков для рытья окопов. Крестатая свора самолетов разбомбила колонну работниц. Спаслись лишь несколько женщин. Одна из них видела лежащую на дороге Домну с рассеченным животом в огромной луже крови. А потом были оккупация и бесконечные сражения за наш поселок. В одном из боев хату родителей Романа уничтожил из пушки немецкий танк. А мать Домны в сорок втором пошла зимой на менку в Полтавщину, и не вернулась. Замерзла в пути.

Осенью сорок пятого пришел с фронта Роман. Живой и невредимый, один такой на весь поселок. Всю войну дивизионным разведчиком прослужил, но даже ранен не был. Видимо, оберег Домны был сильнее летящего в него железа.

Первым делом спросил Роман у земляков о невесте. Посмотрел он на опущенные головы и зарыдал. Может впервые за всю войну.

А тут Татьяна объявилась. Утешать начала. Предложила пожить у нее, пока новую хату построят. Так и остался у нее Роман. Сына родили. Все бы хорошо, да только не любил он жену.

В сорок седьмом в поселок вернулась Домна. Живой оказалась. Отступавший госпиталь с ранеными красноармейцами подобрал едва дышавшую девушку с тяжелым полостным ранением. Армейские хирурги вернули ее к жизни, но бомба фашистского летчика навсегда отняла у нее счастье материнства. Домна осталась при госпитале, работала медсестрой. Ее демобилизовали через два года после войны.

Татьяна ни на шаг Романа не отпускала. Хотела, чтобы встреча мужа с Домной при ней состоялась. Так и получилось. Возле селпо все трое встретились. Минут пять оцепеневшими стояли, глазами друг друга поедали, губами что-то шептали. Оттянула Татьяна супруга от соперницы, но с тех пор стал Роман к бывшей невесте тайком похаживать.

Хотел к ней навсегда прийти, но Домна не разрешила: «У тебя семья и ребенок. Разлучницей я быть не хочу, но и без тебя жизни нет. Душа запрещает, а тело стонет, у него один только хозяин и господин – ты».

Что Татьяна ни делала, но оторвать любимого от ненавистной соперницы не смогла.

Прошло пятнадцать лет. В тот день над поселком вошло солнце черное. Смерть к нам на гастроли пожаловала. Сын Романа и четверо его друзей снаряд в лесу нашли и решили школу взорвать. В учительской лишь стекла из окон вылетели, а из ребят один только в живых остался, и то без руки.

С тех пор чахнуть Татьяна стала. Каждый день на могилу к сыну ходила. Рыдала, ногтями землю царапала, к Андрейке просилась. Через два года она умерла. Видимо, и ей смерть рецепт выписала.

Татьяна просила мужа после ее кончины жениться на любой женщине, только не на Домне. Зла на нее была.

Роман год вдовцом проходил, а потом сделал Домне предложение.

Зашли они в поселковый совет подать заявление на роспись. А им и говорят, что по закону вы должны месяц регистрацию ожидать, но вас, дядя Роман и тетя Домна, мы можем расписать и сегодня.

Невеста не согласилась: «Мы придем через месяц. Хочу быть в свадебном платье и фате. А это время, – она посмотрела на Романа, – мы проведем как жених и невеста».

На весь поселок свадьба гремела. Никто не осудил сорокапятилетнюю невесту в фате. Эта фата у Домны еще с предвоенного года в сундуке лежала. В голодное время мать все вещи на хлеб променяла, но фату не тронула. Да и кому она нужна, когда всех невест в Германию угнали, а женихи в окопах не девичьи руки, а приклады винтовок сжимали.

Весело гулял народ. Крали невесту, из тувельки жених выкупную выпил, на руках свою ненаглядную в дом занес, фату с милого лица рукой отвел.

Сбылась Домнина мечта. Тридцать лет они вместе прожили. В счастье и любви. В один год родились, в один год и умерли.

Для своего Домника, как называл жену Роман, он беседку в саду построил, чтобы любимой хорошо по вечерам отдыхалось. Неразлучниками их в поселке называли. Многие слегка им завидовали, особенно женщины.

После свадьбы прокатился слух о чудесной силе Домниной фаты. А дело вот как было.

Всю нерастрченную материнскую любовь Домна на двоюродную племянницу Наташу выплескивала. Когда Наташа перед свадьбой украшала теткину фату и к своим волосам ее примерила, Домна неожиданно сказала: «Скоро и ты замуж выйдешь, недели через две».

Не поверила Наташа, у нее жениха даже не было. Училась в институте в Харькове, жила в студенческом общежитии напротив летного училища. Однажды в комнату с сокурсницами вошел статный курсант с пятью лычками на рукаве. Смушенно представился и сказал: «Меня распределили в дальний сибирский гарнизон. Тмутаракань, медвежий угол. Через неделю отбываю на место службы. Если кто захочет выйти за меня замуж, то вот мой телефон», – он положил на стол записку.

Из трех претенденток Олег выбрал Наташу. Ни секунды она не пожалела о своем поступке.

После этого случая поселковые девушки тайком к Домне ходили. Ее фату примеряли, желания загадывали.

А когда Домны не стало, записки под гробничку подкладывали с просьбами помочь в любви. Парни эти записки доставали и между собой читали.

В поселке даже своя традиция появилась. Некоторые пары в день подачи заявления на регистрацию брака приносят цветы на могилы Романа и Домны. Мои тоже носили.

Хочешь, я фотографии дяди Романа и тети Домны поищу? Время еще есть. Пусть молодые отоспятся, – предложила кума.

Я смотрю на лица Романа и Домны, застывших в фотографической вечности, и мысленно прошу благословения на свою любовь. Роман и Доменика! В мире мамоны и лжи вы светильник, к которому мы тянем незажженные лучины. Сырые и тонкие.

Книги мужских судеб

Книги мужских судеб, как известно, написаны женским почерком. Умная и заботливая женщина даже из неудачника вылепит Цезаря, а равнодушная спокойно перешагнет через оступившегося супруга или любовника. Но в мире двоих, последнее слово отведено любви. И если оно произнесено, то даже бездушный фатум склоняет голову в признательном поклоне.

Мой микрорайон в шутку называют шестьсот-пьяным. Во многом из-за сугробов пузырьков настойки глёда за углами аптек и нештучного обилия спившихся лиц у магазинных дверей.

Двоих из них я знал еще мальчишками.

Во дворе его называли Баяром. По этическим соображениям этим немного измененным прозвищем буду называть его и я.

Единственный ребенок в семье. Высокий, немного угловатый парень с гитарой. Таким я запомнил его в доалкогольной жизни. Властная мать снимала микробы с пылинок на плечах обожаемого ребенка. Во всем потакал сыну трудяга-отец. Кое-как законченная школа, сонм друзей и доступных подруг. Женитьба на молоденькой учительнице младших классов.

Отец, первоклассный токарь, устроил сына слесарем в родной НИИ. Но работу двоих выполнял сам. Из-за лени и затянувшейся инфантильности сын так и не приобрел профессии. После внезапной смерти отца ему вежливо предложили уволиться.

Неудачу Баяр попробовал утопить в вине. Но, как часто бывает, винная река одурманила завлеченную жертву, сбила с ног и заволокла на середину течения. Алкогольный водоворот парализовал волю, развел с женой, свел в могилу мать. Ее смерть окончательно повернула сына лицом к мрачной бездне, туда, где в зеленом тумане мерцали кольца геенного змия.

Как-то по просьбе пожилой соседки, обеспокоенной странным свечением на кухне Баяра, я постучал в его дверь. Входную ручку хозяин давно пропил, дверь открывалась гвоздем, валявшимся неподалеку. Соседи специально его не подметали.

Свернувшись калачиком, Баяр лежал под кухонным окном, там, где когда-то была батарея отопления.

Четыре длинных столба свистящего пламени вырывались из отверстий в крышке плиты, освещая кухню фантастическим, но опасным светом.

– Конфорки все равно не нужны, жрать нечего, – отвечая на мой молчаливый вопрос, буркнул Баяр.

Абсолютная пустота в комнатах. Лишь остов дивана со снятыми на продажу листами ДВП одиноко маячил в углу.

В свете зажженной спички на месте обмененной на самогон ванны плескалась вода в пластмассовом ведре, на мятой газете чернели станок для бритвы и полотенце. Удивительно, но Баяр был всегда опрятен. Пил в одиночку, но до чертиков.

Казалось, что его судьба предрешена, вопрос в том, сколько разжатых пальцев – оставшихся лет – рок держит за спиной. Но неожиданно в жизни обреченного Баяра появилась женщина. При освобождении из тюрьмы кто-то из сокамерниц рассказал Лене об одиноком мужчине, пропивающем квартиру. Идти вчерашней зечке было некуда, и она приехала к Баяру. Вдвоем пить веселее. Лене в те времена было около двадцати семи, за плечами два года отсидки и ребенок у бабушки. Характер боевой, напоминающий мать Баяра, очень скоро она стала для него женой и новой матерью. Даже в тюрьме ее побаивались. Причинение вреда здоровью проверяющего – статья серьезная. Придирчивого ревизора пьяная продавщица обвесила, обчислила и залепила гирей в лоб.

Так и жили они, всегда под хмельком и всегда вместе. Всезнающие бабушки шептались о Лениной любви.

Случилось мне дождливым осенним вечером возвращаться домой из соседнего микрорайона. Свет одинокого фонаря освещал парочку, обнимающуюся на подставке для выбивания ковров. Сверху от дождя влюбленных прикрывала раскисшая картонная коробка. Баяр и Лена. Они смотрели куда-то вдаль, держа в руках пивные бутылки. Глаза наводнены счастьем.

– Вы? В такой холод и дождь? – не удержал любопытства я.

– Мечтаем, будто сидим под луной на берегу океана и слушаем шум прибоя. Жизнь прекрасна. Правда? – парочка еще крепче обнялась.

Я улыбнулся: или это наркотики, или они и впрямь счастливы. Вспомнились слова соседки: «Они едят только черствый хлеб, свежий слишком быстро поедается». Невдалеке гремела музыка известного в округе ресторана, кто-то ел блины с икрой и принимал плацебо за любовь.

Но пьяное счастье долгим не бывает. Проходивший мимо Баяра мужчина что-то резкое бросил ему в лицо и ботинком ударил по ноге. Рассвирепевшая Лена сломала нос обидчику своего мужчины и вывалила забияку в грязь. Ее повторно осудили.

Баяр приуныл и с нетерпением ожидал возвращения Лены, возил передачи в тюрьму, в дни свиданий даже не пил.

По освобождении парочка спешно продала квартиру с огромным долгом по квартплате и куда-то исчезла.

Прошло несколько лет. На перекрестке в центре города возле меня ритмично засигналила легковая машина. Приветливый голос высунувшегося из бокового окна водителя: «Домой?»

Это был Баяр.

– Семь лет уже не пьем, завязали в один день, – откровенничал бывший сосед. – После тюрьмы Лена пить не стала и меня уговорила. Решили начать новую жизнь. Продали квартиру, чтобы быть подальше от друзей. Живем на окраине города в большом частном доме. Две комнаты сдаем квартирантам, а в трех живем сами: я, Лена, ее дочь от первого брака и наш совместный ребенок. Нрав у Лены крутой, но все, что она делает, только на пользу семье. Она моя женщина.

Дальний родственник помог на работу устроиться. Сейчас руковожу небольшим бутиком. В торговле я оказался довольно успешным. На заочном в университете занимаюсь.

Я с любопытством рассматривал Баяра: белоснежная сорочка, пузатая барсетка из дорогой кожи, уверенный взгляд преуспевающего мужчины. Неужели такое возможно? Впрочем, судьба сама похожа на подвыпившую женщину, и не известно на какую тропинку завтра ступят ее белые ножки.

Время крутануть штурвал в другую сторону.

– Сашу Красивого, моего приятеля, помните? – Баяр печально посмотрел на меня. – Недавно встретил Карину, его бывшую невесту. Сашу нашли замерзшим на скамейке. Похоронили на кладбище за счет городского бюджета. Табличка с инвентарным номером и приблизительная дата смерти. Пить он так и не бросил. Каким-то образом Карина разыскала могилку Красивого, благоустроила и даже памятник поставила. Она замужем. Супруга едва терпит, а он ее боготворит.

Красивый! Как не помнить. Я жил с ним через стену.

Копна густых ухоженных волос, твердый взгляд больших темно-зеленых глаз, приятный запах дорогих дезодорантов, стильная одежда. Комильфо. Уличные прозвища всегда точны.

Его мать – заведующая продовольственным магазином. Шикарный ремонт, на работу и с работы только на такси. Кругом все схвачено. Но мудрый народ давно подметил: «Бог дает денежку, а черт – дырочку, и идет богова денежка в чертову дырочку».

Аня пила. С каждым годом сильнее и сильнее. Первым ушел гражданский муж. Я встретил его возле подъезда с баулами: «Сил для уговоров больше нет. Стыдил, бил, лечил у лучших врачей – бесполезно. Она упадет с грохотом. И пацан одной ногой в пропасти».

Красивый. При этом слове вспоминаются непрерывное цоканье шпилек на лестничной площадке, призывный смех и пьяная ругань с матерью через стену.

Однажды в мою дверь позвонили. Прелестное девическое лицо, печальные глаза полные слез, и конвертик в дрожащей руке: «Умоляю! Передайте письмо Саше. Он меня избегает. От его ответа зависит мое счастье».

Вечером я встретил Красивого на лестничной площадке. Хмельные глаза безразлично пробежались по округлым строкам. Шар скомканного листа запрыгал по ступеням: «У всех женщин одно и то же. Пишет, что беременна. Мать по-быстрому сосватала ее сынку богатеньких родителей. Жених от Карины без памяти и готов взять с моим ребенком. Но она его не любит. И я ее не люблю. Правильная она какая-то. Вот Юля – другое дело. Скоро наша свадьба».

Мы закурили: «Саша, подумай хорошенько. У Карины настоящая любовь. Жертвенная. Это и без линз видно. Может случиться, что ты погубишь ее жизнь и исковеркаешь свою. У Юлии такого чувства нет. А любящая женщина и из пекла мужчину вытащит».

После женитьбы сына Анна запила с удвоенной силой и быстро скатилась в социальную яму: заведующая магазином, заместитель, продавщица, уборщица. Наступил день, когда она пришла занимать у нас денег. С работы ее уволили. Сестра увезла ее в деревню, чтобы не быть лишним ртом у молодых.

Беспробудно запил и Красивый. Белоручка жена забрала его к своим родителям, пытаясь оторвать мужа от друзей-алкоголиков. Саша убежал и устраивал пьянки в родительской квартире, спуская за бесценок последние вещи. Часто он приводил женщин всех возрастов, которые за порцию алкоголя и закуску получали его тело и ласки. В пустой квартире женские стоны легко проникали через бетонную стену, смущая моих домашних и гостей.

Однажды зимой после долгой отлучки кто-то позвонил нам в дверь. На пороге стоял качающийся бомж. В грязном и лохматом существе я с трудом узнал Красивого. Он показал руки и я ужаснулся.

– Упал в сугроб и заснул. Руки оказались в снегу. Очнулся в больнице без пальцев. Жена выгнала. Буду жить в своей квартире. На укороченной ладони Красивого лежали ключи: «Помогите открыть дверь».

С тех пор Красивого стали часто видеть на рынке с одноразовым стаканчиком в кульках. Он просил деньги и пищу. Товарищи по пьянству подносили стакан к его губам, вонючую отраву он пил жадными глотками. Как-то по его просьбе я сосчитал брошенную в стакан мелочь. Красавчик хотел знать дневную выручку. Двадцать гривен. Средние деньги по тем временам. Но просил он все реже, а чаще сутками лежал чумным на полу. Как и у Баяра, в квартире все было пропито. Даже унитаза. Канализационный вопрос решался просто. Одну целую-щуюся ночью парочку Красивый сам того не ведая охладил не самой пахучей жидкостью.

Но это васильки в сравнении с другой напастью. Тараканы. Спасаясь от голода, они лезли из всех щелей Сашиной квартиры.

Подъезд завыл. В отчаянии я зашел в открытую квартиру Красивого и предложил самому провести дезинсекцию

Его ответ меня потряс: «Спасибо. Этого делать не нужно. Вы лишите меня последней пищи». Я так и не понял: шутка это или кошмарная реальность.

Но с тех пор мы стали носить Саше еду. Как-то я столкнулся в дверях супермаркета с девушкой, похожей на Карину. Пока обдумывал, рассказать ей или нет о Красивом, она растворилась в покупательском озере. Видимо, не судьба.

А вскоре об одиноком пьянице-инвалиде узнали черные риэлторы. Они быстро нашли спившуюся Анну, пообещали фантастические перспективы продажи и покупки новой квартиры, несколько месяцев поили и кормили несчастных, приставив человека, ни на минуту не отходящего от своих жертв. Все разговоры с соседями он сразу же пресекал.

Сделка состоялась и Красивому предоставили землянку в селе за 120 км от города. Но Саша жил на рынке, иногда приходил к нам во двор, а потом исчез, оказалось навсегда.

И будут два одною плотью

Прошлой ночью мне приснилась тетя Груня с Лысой горы – окраины большого города, в котором я провел детство – наш разговор, даже спор, о любви после долгих лет брака. Жива ли она?

– Настоящая любовь, Саша, не теряется с годами, – сухими губами тетя Груня отхлебнула глоток чая, – и не кончается после смерти одного из супругов. Мне скоро девяносто два, своего Леню похоронила десять лет назад. Умом и сердцем его полюбила с первой нашей встречи. Да и он меня. Когда Леня ушел, я на наше кладбище почти каждый день ходила, пока артрит позволял.

Однажды колени разболелись – не могу и шагу ступить, но мне так к Лене захотелось – душа из тела вырывалась. Напилась таблеток, натерлась мазями и к вечеру пошла на гору за почтой – оттуда все поселковое кладбище как на ладони. Смотрю с обрыва, глазами могилку мужа возле леса выискиваю, прощения у Лени прошу за все, что я вольно и невольно причинила ему. Легче стало.

Вдруг слышу, кто то за спиной перетаптывается. Оглянулась – старик из соседнего дома. Стоит, и как я, на кладбище всматривается, губами что-то шепчет. Мы друг друга плохо знали: так, здоровались по-соседски. Слышала, что его Володей звали, недавно жену похоронил. Раздельно их почти никто не видел. Ходили по-стариковски медленно, держась друг за друга: в магазин, в поликлинику, на почту за пенсией – всегда вместе. Их за глаза Сиамами называли.

Поздоровались мы, а через день снова встретились на этом месте. Оказалось, Володя почти каждый вечер к обрыву ходит. Рассказывает жене о прожитом дне без нее, о новостях детей, здоровье внуков.

– Сегодня день нашей первой встречи, – Володя присел на скамейку возле гаража. – Сын в командировку на своей машине уехал, на могилку к Кате попасть не получилось...

Родом я из Полтавщины. В те времена хаты мазали всем селом. Ходили по домам и приглашали соседей. Попробуй не позови – обида на всю жизнь. Девушки и молодые женщины задирали подолы и месили глину с водой, добавляя понемногу конский навоз или кизяки. Бабы постарше побрались на кухне, готовили к вечеру закуску – продукты и горилку приносили сами приглашенные. Шутки, смех, заигрывание парней к девчатам, праздник коллективного труда.

Деньги не платили никому, кроме одного человека. В нашей округе издавна существовал обычай. На мазку хаты приглашали лэдара – лодыря по-русски. Это народный артист села. Целый день он лежал на раскладушке кумэдно храпя, переворачиваясь под общий хохот с боку на бок, выставляя из-под простыни волосатые ноги в драном исподнем. Лэдара специально укладывали возле прохода, чтобы идущие с носилками могли задеть ногу раскладушки, брызнуть на «спящего» водой, отпустить под общий хохот шутку.

На вечерё под вишнями он сидел по правую руку от хозяина, ему единственному платили десять рублей – немалые по тем временам деньги.

В тот день штатный лэдар оказался в больнице и соседка пригласила меня побыть на мазке ее хаты лэдарем. Аргумент убедительный – ты только что демобилизовался со службы в военизированной пожарной охране, а все знают, что только пожарник может пролежать сутки на одном боку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.